

Русский интеллигент: опыт литературно-социологического портрета

В статье подробно анализируются черты интеллигенции, во многом определявшей жизнь российского общества с конца XIX до конца XX века. При этом на основе исторической, философской, мемуарной, художественной, публицистической литературы выделяются социальные и личные, а также положительные и отрицательные черты интеллигенции. Такая структуризация «характера» русской интеллигенции позволяет увидеть это уникальное социокультурное явление более объёмно и объективно.

Ключевые слова: биполярность, деликатность и нетерпимость, демократизм и снобизм, интеллигенция, социокультурный феномен

Сергей Ачильдиев

литератор,

главный редактор интернет-журнала «Мозгократия»

*Наряду с чертами отрицательными
...в страдальческом её облике просвечивают черты ду-
ховной красоты,
которые делают её похожей на какой-то совсем особый,
дорогой и нежный цветок, взращённый нашей суровой
историей...*

Сергей Булгаков

*Какими были черты русской интеллигенции на протя-
жении двух с лишним столетий — с конца XVIII и до конца XX
века? Если бы в те давние времена существовала социология,
а потом, при советской власти, её повсеместно не вытатты-
вали, мы бы знали это по результатам социологических оп-
росов. Но теперь приходится полагаться лишь на литерату-
ру — историческую, философскую, мемуарную, публицистиче-
скую, художественную. А ещё — на собственную интуицию.*

*Оттоненты наверняка скажут, что это слишком зыбкая
почва для умозаключений. Да, наверное. Но недаром в России
говорят, за неимением гербовой пишут на простой. Что ж,
попробуем...*

Перво-наперво отмечу биполярную сущность интеллигенции: с одной стороны, она — явление социальное, а с другой — сугубо личностное. Кроме того, как и любое другое человеческое сообщество, устойчивое на протяжении долгих десятилетий, интеллигенция обладала разными по характеру чертами — положительными и отрицательными, постоянными и временными. Итак...

Социальные черты (положительные)

Альтруизм. Вот какую историю рассказывает в своей книге воспоминаний Лазарь Лазарев о своём друге Борисе Слуцком: «Борису, когда он был в Будапеште, предложили выпустить сборник своих стихов. Он в ответ спросил принимавших его издателей, кто из современных советских поэтов уже переведён на венгерский. Они перечислили вышедшие книги. А этот, этот, этот, — допрашивал Борис, назвав пять или шесть фамилий. Эти не были изданы. «Надо сначала их перевести, а потом можно, наверное, и меня», — сказал без тени кокетства и позы Борис. Издатели были поражены: с такой реакцией на их предложение им никогда прежде не приходилось сталкиваться» [19. С. 125].

Конечно, альтруизм, совестливость, бескорыстие в такой обострённой форме не были характерны в интеллигентской среде ни дореволюционных времён, ни советских. Но тем не менее именно они служили примером для других и вызывали неподдельное уважение.

Бескорыстие. Дмитрий Лихачёв вспоминал: «Академик И.Ю. Крачковский из собственных средств платил заработную плату своим сотрудникам, когда занятия древними восточными языками были объявлены реакционными» [23. С. 377].

Подобное бескорыстие встречалось, конечно, нечасто, но оно вовсе не было единичным. К примеру, в начале 1950-х ректор Ленинградской консерватории Павел Серебряков на

протяжении семестра из своего кармана платил стипендию Рубине Калантарян, причём делалось это так, что студентка даже не подозревала о происхождении денег.

Я также помню немало примеров того, как в 1950-е — 1960-е годы люди сдавали угол приезжему студенту, а после того, как он оказывался без денег, потому что «мама заболела и надо ей отсылать стипендию», оставляли его жить «за просто так». Как с соседским парнем целый год по вечерам, после работы, занимались бесплатно, чтобы подготовить его к поступлению в вуз, и при этом ещё всякий раз кормили ужином, потому что мальчишка был из бедной семьи.

Наша семья долгое время маялась в коммунальной квартире, потому что мой дед Иосиф Бруссер, директор небольшой фабрики, говорил, что в Ленинграде ещё многие люди «живут в подвальных и полуподвальных помещениях». А мой двоюродный дед Александр Иссурин, когда ему предложили отдельную квартиру, отказался от неё в пользу своего подчинённого, который тоже жил в коммуналке, но с двумя детьми.

Все эти люди не считали свои поступки хоть в малейшей степени геройскими. Просто они не могли поступать иначе, так велели им их совесть и достоинство.

Готовность подчинить личные интересы — вплоть до самопожертвования — общему делу. Впервые эта черта проявилась у декабристов: надо думать, они отлично понимали, что примитивное цареубийство, как неоднократно было доказано в XVIII веке, гораздо надёжнее революционного восстания, но тем не менее предпочли именно революцию, хотя риск был неоправданно велик.

Потом та же черта проявлялась у всех русских революционеров. И не только у них: достаточно вспомнить хождение в народ, которое в первой половине 1870-х годов охватило 37 губерний европейской России, или готовность тысяч молодых советских врачей-интеллигентов работать в деревне или посёлке, а не строить карьеру в крупных городах (трилогия Юрия Германа о докторе Устименко — роман, имевший документальную основу).

Гражданственность. Интеллигенцию всегда отличало обострённое восприятие любых несправедливостей, которые почти всегда в избытке творились в их стране. Стремясь предать такие факты гласности, наиболее активная часть интеллигенции выступала в первых рядах протестующих. В частности, именно повышенное чувство гражданственности служило двигателем диссидентского движения в СССР.

Однако это не означает, что вся остальная интеллигенция проявляла полную пассивность. Она всегда была «в курсе»: там — и самиздат имели широкое хождение, в каждой интеллигентской семье по вечерам и глубоко за полночь работал транзисторный приёмник, принимавший зарубежные «голоса», и новости, о которых молчали советские газеты, горячо обсуждали тысячи людей.

Впрочем, и в советских газетах нередко проскакивали темы, не допускавшиеся официальной идеологией. Многие журналисты, вопреки цензуре, старались протолкнуть, как тогда выражались, «непроходные материалы». Вот всего один при-

мер: когда в марте 1987 года на Исаакиевской площади Ленинграда сотни молодых людей в течение четырёх дней пытались защитить от незаконного сноса историческое здание гостиницы «Англетер», городские газеты печатали интервью чиновников, которые, пытаясь успокоить градозащитников, лгали, будто работы приостановлены и здание снесено не будет. Федеральные издания молчали. И только Анатолий Ежелев, заведующий корпунктом «Известий» в Ленинграде, сумел опубликовать в этой газете серию очерков с подробным и правдивым рассказом о том, как ведёт себя ленинградское руководство. Конечно, уже началась перестройка, и людоедские времена вроде как закончились. Но цензура ещё была очень сильна, и власти оставались всесильными хозяевами страны [13. С. 68-75].

Милосердие. Вообще-то, эта черта традиционно считается характерной для всего русского народа. И если значительная часть дореволюционной интеллигенции не раз проявляла действительное милосердие — например, собирая в периоды массового голода средства и организуя столовые для нуждающихся, — то это одно из наглядных свидетельств того, что интеллигенция вовсе не была оторвана от народа, как утверждали авторы сборника «Вехи».

При советской власти милосердие было названо «поповским словом» и предано анафеме всесильной пропагандой. В итоге статья интеллигента Даниила Гранина «О милосердии», появившаяся в «Литературной газете» в 1987 году, стала общественным событием для всей страны; в переработанном виде она появилась в 1999-м в журнале «Нева», но теперь уже автор дал ей более точное заглавие — «Потерянное поколение».

Миссионерские наклонности, в частности стремление к распространению знаний, а также правды и добродетели. «Нам казалось, — писал Чайковский, народолюбец, ближайший друг и соратник Екатерины Брешко-Брешковской, — что сама история возложила на нас миссию раскрыть людям истину, которая известна нам одним, и тем самым осуществить социальное чудо, освободив людей от страданий и унижений, чтобы иметь возможность сполна приобщиться к образованию и культуре. В этом состоял наш неискупимый долг перед народом — долг, требовавший от нас величайших подвигов во имя спасения народа» [16. С. 6].

В досоветский период ощущение миссии просветительства, не говоря уж о миссии освобождения народа, определённые круги интеллигенции ощущали крайне остро. В советской период оно осталось, но уже утратило былой масштаб и накал страсти.

Мужество перед лицом физических и духовных испытаний. Игорь Бестужев-Лада полагал, что «...интеллигентность, вопреки законам дарвинизма, абсолютно бессильна при столкновении с неинтеллигентностью, изначально проигрывает в борьбе за существование. Любому начальственному хаму или даже просто неинтеллигентному коллеге-соседу гораздо легче стереть интеллигента в порошок, нежели избавиться от самого последнего холуя. В этом отношении интеллигенция столь же беззащитна, как Милосердие, Любовь, Семья (всё — с большой буквы). И поэтому, подобно нежному садовому растению, нуждается в постоянной заботе» [4. С. 64]. Тут же вспоминается сходное высказывание Дмитрия Лихачёва: «У Белинского где-то в письмах, помнится, есть такая мысль: мерзавцы всегда одерживают верх над порядочными людьми потому, что они обращаются с порядочными людьми как с мерзавцами, а порядочные люди обращаются с мерзавцами как с порядочными людьми» [21. С. 318].

Оспаривать столь уважаемых в русской культуре интеллигентов — непозволительная самонадеянность. И тем не менее... Вся история российской интеллигенции — это постоянное столкновение с неинтеллигентностью, причём чаще всего с крайней и к тому же очень сильной. Будь то государственная машина, массовое воинствующее бескультурье или черносоч-

тенство. Однако интеллигенция выстояла, а если умирала, то возрождалась. Нередко она проигрывала тактически, но неизменно одерживала духовно-нравственную победу, стратегическую.

Обострённое чувство справедливости. Каждый русский писатель «милость к падшим призывал», причём ещё задолго до Александра Пушкина. И русская литература — это, по сути, не утихающий призыв к справедливости, в защиту «лишних людей» и «маленьких людей», бесправных по рождению и несправедливо осуждённых, короче, всех «униженных и оскорблённых» купцами-богатеями, хлыщами-развратниками, чиновниками-карьеристами, садистами-энкаведешниками, трусами-стучачами...

Но какой именно должна быть справедливость? И каким должно быть справедливое общество? На эти вопросы, увы, интеллигенция до сих пор так и не дала исчерпывающего ответа. Разве что за исключением утопических картин из знаменитого сна Веры Павловны.

Ответственность не только за себя, но и за весь мир. Интеллигенту «...свойственно ощущать себя в системе мировых ценностей, истории, быть ответственным за всё, что происходит в мире, тем более на его родине, — говорил известный ленинградский театровед Лев Ительман. — Когда такое произносишь вслух, то можно услышать неправомысленный пафос, некую фальшь. Между тем, хотим мы этого или нет, но интеллигентный человек... обладает той уникальной духовностью, которая позволяет ему подняться над будничными заботами жизни и прислушаться к голосу вечности» [8. С. 413].

Звучит и вправду возвышенно, хотя пафос правомерен и фальши никакой нет. Это правда. Но не вся. Потому что была и другая правда: многие интеллигенты, увы, пытались решать — и до сих пор пытаются — проблемы России или даже всего человечества, не сумев решить проблемы в собственной семье.

Ощущение своего общественного и личного долга. См. *Гражданственность.*

Повышенное чувство добра и сострадания ко всем в мире, которое Фёдор Достоевский в своей «Пушкинской речи», говоря о русском народе, назвал даром «всемирной отзывчивости» [12. Т. 26. С. 145].

Даже дикие жестокости собственного государства ни в XIX, ни в XX веке не смогли убить этот дар в нашем народе, прежде всего в интеллигенции. Ещё в 1950-е многие искренне переживали за «негров, которых линчуют в Америке», и за африканцев, борющихся против колониализма. Однако с наступлением эры телевидения, которое каждый вечер буквально бомбардирует наше сознание картинами природных и технологических катастроф со всего мира, чувство сострадания к чужому и далёкому горю сильно поубавилось.

Склонность к объединению с единомышленниками. Салоны, кружки, журфиксы, добровольные общества, клубы — «благодаря этим неофициальным организациям люди, получившие высшее образование, не чувствовали себя... оторванными от культурной, научной и художественной жизни, — рассказывал Дмитрий Лихачёв. — На какой бы работе, в какой бы местности они ни находились, они всегда объединялись в различные группы. Об их значении можно судить хотя бы по тому факту, что именно с ними, с этими обществами, ...собиравшимися зачастую на частных квартирах и в помещениях школ, не предусмотренных для таких собраний, с первых месяцев захвата власти большевиками началась усиленная борьба, потому что в них большевики видели соперников, опасных для них. Я предлагаю вспомнить такие наиболее крупные организации, как Общество врачей, кстати сказать, построенное на собственные средства несколько больниц в Петербурге с бесплатным лечением; Общество архитекторов, художников, основанное в 1903 г.; Вольное экономическое общество, существовавшее с XVIII в. до 1917 г. Кроме того, Общество имени А.И. Куинджи (1909—1910), Общество камерной музы-

ки (1872-1915). До 1878 г. оно называлось обществом квартетной музыки и какое-то время возглавлялось Н.А. Римским-Корсаковым. Общество петербургских художников (1893-1916), Общество поощрения художеств (1821-1929). ...Вольные общества любителей российской словесности, наук и художеств... Многие собрания группировались вокруг восточного факультета Петербургского университета. Там существовали кружки арабистов, занимавшиеся индийскими религиозными учениями. Огромную роль в русской культуре сыграла Вольфила. Это Вольная философская ассоциация, в которую входили виднейшие русские философы, в ней участвовали А.А. Блок, И.О. Лосский, И.М. Франк, Л.Ю. Мейер и многие другие. <...> ...эти общественные объединения играли колоссальную роль прежде всего в формировании общественного мнения. Общественное мнение в Петербурге создавалось не в государственных учреждениях, а главным образом в этих частных кружках, объединениях, на журфиксах, на встречах учёных и т. д. Именно здесь формировалась и репутация людей, впоследствии заменённая характеристиками треугольников» [24. С. 271-272].

Говоря о советской интеллигенции, обычно сразу вспоминают кухонные посиделки. «Но почему же только «кухни»? — удивляется Леонид Баткин. — Оппозиционность таилась во всех углах некоторых частных квартир. Мы то и дело ходили по мастерским художников, по персональным домашним выставкам, по домашним научно-гуманитарным семинарам, в полуполегалные подвальные театрики и т.п.» [3. С. 46].

Какие бы формы ни принимала интеллигентская кружковость — вольных обществ, салонов, журфиксов, семинаров, кухонных посиделок, — она неслась в себе не только положительный, но и отрицательный заряд. В результате долгого — а правильной сказать, слишком долгого — запрета открытой общественной деятельности и политических партий интеллигент, как отмечала Лидия Гинзбург, превратился в «человека группового сознания» [7. С. 341], мыслящего в рамках лишь тех интересов, которые представлял узкий круг его друзей-единомышленников.

Вывод совершенно справедливый, но не надо забывать и о причинах. О них ещё в начале 1890-х годов писал Борис Чичерин: «Однажды я сказал Ивану Сергеевичу Тургеневу, что напрасно он в «Гамлете Щигровского уезда» так вооружился против московских кружков. Спёртая атмосфера замкнутого кружка, без сомнения, имеет свои невыгодные стороны; но что делать, когда людей не пускают на чистый воздух? Это были лёгкие, которыми в то время могла дышать сдавленная со всех сторон русская мысль. И сколько в этих кружках было свежих сил, какая живость умственных интересов, как они сближали людей, сколько в них было поддерживающего, ободряющего, возбуждающего! Самая замкнутость исчезала, когда на общее ристалище сходились люди противоположных направлений, но ценящие и уважающие друг друга. Тургенев согласился с моим замечанием» [33. С. 9-10].

Социальные черты (отрицательные)

Беспочвенность. Павел Милоков насчитал 12 обвинений, выдвинутых авторами сборника «Вехи» против интеллигенции. Самое главное из них — беспочвенность, «отлучённость от национального общения», «отщепенство» [26. С. 111]. Большинство авторов «Вех» трактовали эту черту как оторванность интеллигенции от народа, от государства, от христианства. Но было и другое понимание. Так, Николай Бердяев считал, что «...эта беспочвенность была характерно русской», поскольку «по условиям российского политического строя интеллигенция оказалась оторванной от реального социального дела...» [5. С. 18].

Однако с высоты нашего времени беспочвенность и отщепенство тогдашней интеллигенции видится уже не в том, что

она была «безрелигиозна, антигосударственна и космополитична», а в том, что в силу условий своего существования в российском социуме ей не дано было в самый ответственный момент февраля-октября 1917 года понять насущные чаяния народных масс. Зато их понял Ленин — политик, который к тому времени давно порвал с интеллигенцией, из чьей среды вышел, и превратился в крайнего радикала, готового на всё ради личной власти.

Недостаточное ощущение реальности. Эта черта возникла под влиянием той же «оторванности от реального социального дела», а также увлечения искусством и, прежде всего, литературой, в результате чего сознание во многом воспринимало ирреальную жизнь как реальную. Нельзя сбрасывать со счетов и свойственную русским склонность к созерцательности.

В частной жизни это выглядит как странность, чудачество, однако в социальной, когда интеллигенты приходили к власти или были близки к ней, это нередко приводило к трагедии. Например, после Февральской революции. Нехватка опыта государственного видения действительности, знание о жизни, почерпнутое преимущественно из книг и газетно-журнальных статей не позволило Временному правительству уловить истинные чаяния народных масс, правильно оценить политическую обстановку в стране и решиться на крайне жёсткие, но необходимые в тех условиях меры.

Неадекватность к мечтанству. Имелось в виду, конечно, не мечтанство как сословие, а его образ жизни, для которого характерны мелкобуржуазное сознание, замкнутость в своём тесном мирке, мелкие обывательские интересы — короче всё то, что являлось антиподом интеллигенции. В интеллигентском сознании мечтанство олицетворяло в себе отсталость, ограниченность, меркантильность и пошлость.

«Ненамруиотизм». Начиная с Петра I, в России всегда существовало два патриотизма — государственный, подкрепляемый властной пропагандой, и народный, который Лев Толстой определил как «скрытую теплоту патриотизма». За исключением тех периодов, когда государственный патриотизм был настолько сильным, что захватывал и большую часть интеллигенции (например, в начале русско-турецкой войны 1870-х годов, а также Первой мировой), или когда в обеих отечественных войнах (1812-1814 и 1941-1945 годов) Россия оказывалась на грани потери своей государственности, — интеллигенции, конечно, был ближе толстовский вариант. Однако изгойское положение интеллигенции (о чём речь ещё впереди) сформировало у неё, как подметил Павел Милоков, и «свой собственный патриотизм — государства в государстве, особого лагеря, окружённого врагами» [26. С. 148].

Непринятие богатства, а равно и средств его достижения, включая любой вид предпринимательства. Такое восприятие материального благополучия было свойственно интеллигенции с самого начала и соответствовало многовековой традиции русского народа, загнанного ещё со времён монгольского ига в беспросветную бедность, а потому ненавидевшего богатых.

Но отношение к материальному преуспеянию со стороны интеллигенции имело свои три особенности. Одна появилась ещё у дворянской интеллигенции, которая, любя бедный народ, испытывала перед ним стыд за свой недостаток. В XIX веке даже появилось выражение «кающиеся дворяне». Другую внедрили в интеллигентское сознание разночинцы, в большинстве своём с детства привыкшие к тому, что каждая копейка достаётся огромным трудом, а потому не терпевшие деда, «сытых бездельников» и порой даже бравировавшие аскетизмом своего быта. Третья укоренилась с началом советской власти, когда основная часть интеллигентов вынуждена была жить крайне бедно, ибо её доходы были гораздо ниже, чем у других — партийных и государственных чиновников, рабочих, командиров Красной Армии...

Отрицание достигнутого предыдущим поколением интеллигенции. В семейном и учебном воспитании интеллигенция всегда старалась соблюдать традиции: дети читали ту же литературу, слушали ту же музыку и смотрели те же иллюстрации картин, впитывали те же лучшие интеллигентские черты, на которых некогда выросли их родители. Исключение составляли только нигилисты-шестидесятники XIX века и в гораздо в меньшей степени первое поколение советской интеллигенции 1950-х — начала 1960-х годов.

Тем не менее, конфликт «отцов и детей» всегда оставался одним из самых острых в интеллигентской среде. Вероятно, причины этого явления кроются, во-первых, в самой природе интеллигенции, которая никогда не имела твёрдого положения в обществе и потому с каждым новым поколением считала необходимым заново самоутверждаться, а, во-вторых, в неустойчивом идейно-психологическом состоянии российского социума, постоянно испытывавшего когнитивный диссонанс в связи с тем, что рисовала госпропаганда и что существовало в реальности.

Отсутствие правового сознания и неуважение к праву. Русскому присловью «Судить надо не по закону, а по справедливости» много веков. Славянофилы, истовые поклонники русской старины, не могли не подхватить это отрицание права. Они провозгласили: «нравственно-православная Россия противостоит юридическо-католическому Западу».

Эта черта, свойственная большей части интеллигенции, дожила до наших дней. Уже в 1989 году на I Съезде народных депутатов СССР писатель Валентин Распутин попрекал этих депутатов тем, что их интересует не нравственность народная, а «больше занимает различное законодательное крючкотворство» [1. С. 5].

*Сто лет назад были популярны стихи Бориса Алмазова:
Широки натуры русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал* [26. С. 129].

Подмена реальной заботы о близких стремлением помочь большим сообществам, которые к тому же зачастую находятся на недосягаемом удалении. Один из наиболее характерных примеров, подтверждающих карикатурную сущность этой черты, — откровенное высказывание Михаила Петрашевского: «Не находя ничего достойного своей привязанности — ни из женщин, ни из мужчин, — я обрёл себя на служение человечеству» [30. С. 343].

Политизированность. Эта черта всегда была свойственна большинству интеллигентов, причём чаще всего даже в тех случаях, когда публично заявлялось о полной аполитичности.

Политизированность как нельзя лучше соответствовала другим чертам интеллигентского характера — таким, как гражданственность, ответственность не только за себя, но и за весь мир, чувство «всемирной отзывчивости»...

Создание кумиров. Интеллигенция регулярно нарушала вторую библейскую заповедь «не сотвори себе кумира». До 1917 года она создавала кумира то из зарубежных философов и их учений (от Шеллинга и шеллингианства до Маркса и марксизма), то из отечественных писателей (Некрасов, Достоевский, Лев Толстой) или публицистов (Белинский, Чернышевский, Писарев, Михайловский).

Однако с возрождением интеллигенции в 1950-е годы поклонение кумирам не воскресло. Объяснить это можно только тем, что до этого на протяжении нескольких десятилетий страна жила в атмосфере идолопоклонства вождям. Тем не менее, с началом 1970-х интеллигенция выдвинула из своих рядов одну за другой три кандидатуры на звание совести нации — Александра Солженицына, Дмитрия Лихачёва и Андрея Сахарова.

Социальная мечтательность. По мнению Николая Бердяева, развитию этой черты интеллигенции способствовала «оторванность от реальной общественной работы, продиктованная условиями российской государственной действительности...» [5. С. 18].

Вплоть до февраля 1917 года главной мечтой оставалась революция. Но какой мечтой! «Большинство русских интеллигентов... понимало под словом «революция» только что-то прекрасное, могучее и оздоровляющее, — отмечал Виктор Леонтович и объяснял, почему: — ...со времён восстания декабристов французская революция не вызвала в сознании русских оппозиционных кругов никакого представления о реальных проявлениях революции, наоборот, она целиком владела умами на каком-то мифическом плане. Поэтому и о революции вообще думали восторженно» [20. С. 420].

Ну, и, конечно, мечтали о светлом будущем. Антон Чехов писал об этих мечтах с горькой иронией: «Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной» [32. Т. 9. С. 346]. Но интеллигенция, заражённая такой мечтательностью, ни понять, ни тем более принять чеховской издёвки не могла, да и не хотела, и, возможно, потому на протяжении всего XX века и «Три сестры», как, впрочем, и «Вишнёвый сад», всегда ставили на сцене как трагедии.

Убеждённости в том, что мир возможно в кратчайший срок изменить к лучшему — то ли с помощью культуры и искусства, нравственно-эстетического совершенствования, то ли путём социальной революции.

Упрощение действительности и её проблем. Интеллектуальное расслоение в интеллигентской среде вынуждало авторов использовать более простой язык, более образные выражения и более наглядные примеры, особенно если речь шла об экономике, промышленности, сельском хозяйстве, статистике или анализировалось художественное произведение. Социальный заказ на упрощение проблем диктовался и качествами характера массовой интеллигенции — нетерпением (в том числе при освоении сложных тем) и нетерпимостью ко всему, что не укладывалось в уже сложившийся догмат идеи, которой были одержимо в тот момент большинство читателей.

Утопизм. Он — родной брат социальной мечтательности. Из-за отсутствия таких государственных институтов, как свобода слова, политические партии и движения, и при наличии жёсткой цензуры интеллигенция была лишена возможности широкого обсуждения истинных проблем развития страны. Логическое мышление подменялось фантазией, подлинными варианты будущего — фантомами, и большинство начинало верить в них как в реальность.

Фетишизация «простого» народа. «Он — интеллигент во втором (третьем) поколении» или «Он — потомственный интеллигент» — такого рода выражения, да тем более с положительным подтекстом появились только во второй половине XX века. Прежде гордость состояла только в том, если кто-то «потомственный пролетарий» или «от сохи». Там, в простом народе, — по представлениям интеллигенции — жили опыт веков, мудрость и понимание чего-то такого, что нам, интеллигентам, с нашими искусственными книжными знаниями, постичь не дано.

Отрезвление наступило с приходом к власти большевиков, которые словно в насмешку, а на самом деле, чтобы завоевать сердца рабочих, уверяли, что интеллигенция и того-то не понимает и в том-то не сумела разобраться и, вообще, «отсталый элемент». 9 октября 1918 года петроградский интеллигент Георгий Князев цитировал в своём дневнике статью из «Красной газеты»: «Почему интеллигенция не поняла Октябрьской революции? Интеллигенция оказалась невежественной в социальных науках, неподготовленной к пониманию великих общественных событий, не умевшей вдуматься в чёткие научные понятия из области социологии и истории, в понятие класса, харак-

теристики империализма, классово́й борьбы». «Оказывается, — с горечью комментировал этот пассаж автор дневника, — «законы-то об обществе» в кармане у рабочего. А косные интеллигенты это-то и проглядели» [17. С. 105].

Эпатирование общества своим внешним видом и поведением. Служило средством самоутверждения, выделения из общей среды и сколько-нибудь ярко проявлялось сперва с началом различинного, а затем советского периода в истории интеллигенции. Потом как рудимент былых времён оставалось у некоторых представителей искусства, которых называли «богемой».

Личные черты (положительные)

Гуманистическое мировоззрение. Процесс формирования такого мировоззрения необычайно сложен, он зависит от многих факторов — воспитателей, среды, доступности и влияния произведений искусства, а также качеств самого человека.

Но не менее сложен и другой процесс — сохранения и развития гуманистического мировоззрения, особенно в условиях агрессивной действительности.

Деликатность. Эта черта — следствие не только воспитания, но и природных наклонностей человека. Обычно она понимается как этикет поведения: соблюдение этических норм, тактичность. Однако в интеллигентском понимании деликатность — понятие более глубокое. Оно включает в себя способность не казаться, а быть по-настоящему уважительным (интеллигент не позволит себе называть подчинённого на ты даже мысленно), приветливым, проявлять искреннюю заинтересованность в том, что тебе говорят, умение слушать и понимать собеседника, а ещё — самое трудное — не допускать ситуаций, которые оказались бы неприятны для других людей. Писательница Александра Бруштейн говорила: «Когда пойдешь на костёр, будь осторожен, не толкни ребёнка или старуху, не отдави лапу собаке» [27. С. 237].

Демократизм. Это способность вести себя на равных с людьми более низкого социального положения или интеллектуального уровня и при этом оставаться совершенно органичным. Причём не только в общении, но и в действиях.

Доверчивость. Она обычно проявляется в привычке «во всяком человеке видеть благонамеренность, не подозревая обмана». Напомню, такими словами Николай Бестужев характеризовал Кондратия Рылеева. Но сколько других интеллигентов в разные времена было обмануто пройдохами-мошенниками и вопреки этому не утратили свою доверчивость!

Идеализм. Он был свойствен некоторой части интеллигенции 1860-х — 1870-х годов. Таких интеллигентов называли идеалистами, то есть бескорыстно служащими высокой идее. Однако «...к началу девяностых годов из слова «идеал» уже окончательно выветрилось его прежнее боевое значение, — писал Корней Чуковский, рассказывая о Чехове, — ...и в пору моей юности оно уже стало абстракцией, лишённой какого бы то ни было реального смысла. Уже у Надсона оно звучало пустышкой — лишь как неизменная рифма к столь абстрактному слову «Ваал»» [34. С. 89].

Пустышкой — это ещё в лучшем случае, в худшем — это понятие приобрело ироническую коннотацию, что в известном смысле свидетельствовало об утере интеллигенцией идеалов.

Интеллектуальная независимость, внутренняя свобода. Дмитрий Лихачёв называл «интеллигенцию интеллектуально независимой частью общества. <...> Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных. Интеллигент теряет интеллектуальную свободу и перестаёт быть интеллигентом, когда принуждён слепо следовать догмам какого-либо учения. <...> Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, действий, не согласованных с его личным мнением, то добровольная продажа себя в рабство лишает его возможности причислить себя к интеллигенции» [22. С. 31].

Это высказывание следует понимать как идеал, ведь в действительности значительная часть интеллигентов всегда «следовала догмам какого-либо учения», а зачастую входила в какую-нибудь партию, и, если «слепо следовать догме», утверждаемой Дмитрием Сергеевичем, интеллигенцию отдельных периодов нашей истории пришлось бы сократить до мизерных величин.

Интеллектуальная честность. Известен случай, когда Анатолий Луначарский в одной из дискуссий сослался на Ленина. Его оппонент возразил: «Ленин такого не говорил». — «Вам не говорил, а мне говорил!», — мгновенно парировал нарком просвещения. Истинный интеллигент никогда бы себе такого не позволил. Одна из сфер, где интеллектуальная честность проявлялась особенно наглядно, — наука: перевернуть цитату, а тем более присвоить себе чужую мысль считалось немислимым поступком и означало крушение репутации навсегда.

Непритязательность в быту. «Русская интеллигенция классического своего периода самый разговор о комфорте сочла бы неприличным, — вспоминала в 1960-х годах Лидия Гинзбург и поясняла: — <...> Для старой интеллигенции комфорт входил в комплекс мещанства, вернее — интерес к комфорту (этим пользуются и об этом не говорят). Для поколений, чьей повседневностью были войны, нищета, голод, страх, — обтекаемый быт ассоциируется не с тупой сытостью и духовным убожеством, а с миром и благоволением, с покоем и достоинством человека» [7. С. 358]. В 1970-е в своих «Записных книжках» Гинзбург приводила ещё один аргумент: материальное благополучие в интеллигентской среде «считалось неприличным, «буржуазным» [7. С. 414].

Однако есть и третье объяснение. Интеллигенты увлечены искусством, наукой, творчеством и постоянно живут идеями, а потому духовное занимает в их жизни такое огромное пространство, что на материальное не остаётся ни сил, ни энергии, ни времени. Как сказал Фазиль Искандер, «настоящий интеллигент — это человек, для которого духовные ценности обладают материальной убедительностью, а материальные ценности достаточно призрачны» [14. С. 248].

Неумение командовать и слепо выполнять чужие команды. Эта черта свидетельствовала, с одной стороны, о мягкости, а с другой — о независимости характера интеллигентов. Именно такую черту обнаружил у себя специалист по немецкой литературе Лев Копелев после того, как с наступлением брежневской эпохи оказался в числе диссидентов. «Но я не хотел и не мог никому подчиняться, ни за кем следовать, не хотел никем руководить», — признавался он позже. Почему? Да потому, что «...и самые благородные деятели, претендующие на то, что именно они «знают, как надо», убеждённые в своём праве руководить, предписывать, настойчиво советовать, указывать, призывая под знамёна, мне совершенно противопоказаны» [27. С. 241, 250].

В этом «нехотении», а точнее, неумении подчиняться и командовать крылась одна из причин того, почему революционное, а потом диссидентское движение так и не стали массовыми в интеллигентской среде. По тем же причинам так малочисленна всегда была армейская и флотская интеллигенция.

Нравственный императив. Он всегда служило для интеллигенции главным мерилем всех слов и поступков. По нему сверялись сами, судили окружающих и западники, и славянофилы, и либералы. Зачастую без малейших извинений. Мой университетский преподаватель, профессор Нина Дьяконова, долгие годы дружившая с Ефимом Эткиндром и Фридой Вигдоровой, говорила мне: «Каждый человек способен на неблагоприятный поступок. Но интеллигентный будет долго мучиться и казнить себя при каждом воспоминании, а неинтеллигентный махнёт рукой: ну что ж, с кем не бывает».

Однако не вся интеллигенция всегда так однозначно стро-

го относилась к этому понятию. Уже нигилисты 1860-х годов превратили нравственность из личной черты каждого интеллигента в черту социальную, свойственную всей интеллигенции и не только ей. Сделано это было с помощью незамысловатого лозунга: нравственно то, что полезно. Развившееся вскоре революционное движение пошло ещё дальше, уточнив: нравственно то, что полезно нашей партии и революции. Пётр Ткачёв утверждал: «...нравственное правило... имеет характер относительный, и важность его определяется важностью того интереса, для охраны которого оно создано» [31. Т. 2. С. 194]. Той же максимой всегда руководствовались большевики. Подобные понятия получали у них обязательные определения: «пролетарская (революционная) нравственность», «пролетарская (революционная, советская) мораль», «пролетарская (революционная) совесть»...

Таков наглядный исторический пример: приспособление вечных ценностей в политических или каких-либо иных интересах неминуемо приводит к преступлениям и, прежде всего, к нравственному перерождению социума. А кроме того — самих интеллигентов быстро превращает в бывших — всего лишь выходящих из интеллигентской среды.

Поведенческая скромность. См. *Непритязательность в быту*.

Преданность своей профессии. Истинный интеллигент не способен работать на конвейере. Он тут же начнёт думать, как его усовершенствовать. Дело в том, что в интеллигенте всегда заложено творческое начало. А, значит, работа уже является не работой, а образом жизни, который чем дальше, тем невозможнее изменить и уж тем более отменить. Неудивительно, что обычно круг друзей интеллигента — его коллеги, ведь только с ними можно долго и подробно говорить о своей профессии. Думаю, при коммунистах не в последнюю очередь именно по этой причине люди интеллигентских профессий, как правило, получали меньше других; власть была уверена — они и от таких заработков никуда не уйдут.

«Речевое поведение» (по определению Юрия Лотмана) — одна из важнейших форм жизнедеятельности интеллигента. В известном смысле интеллигенцию вообще можно назвать вербальным явлением. Она всегда придавала слову огромное, порой гипертрофированное значение, причём как смыслу, так и звучанию, образности, подтексту, аллюзиям... Важно, что эта «игра словами» была понятна не только среди «своих», но и в гораздо более широких кругах общества. Не случайно в иные времена поэты собирали огромные аудитории, и каждый интеллигент даже средней руки всегда держал наготове десяток-другой одних и тех же поэтических цитат, по которым нередко они и узнавали друг друга.

Скромность в самооценке. Любое перечисление интеллигентом своих достоинств и заслуг всегда считалось в его среде неприличным. Не говоря уже о том, чтобы интеллигент назвал себя интеллигентом, ведь интеллигент — это идеал, а соответствовать идеалу невозможно.

Когда восхищённые коллеги пытались в открытую говорить Дмитрию Менделееву, что он гений, учёный сердито махал руками. Он терпеть не мог, когда его величали «высокопревосходительством», и многочисленные ордена, ленты и звёзды держал в коробке с гвоздями. Однажды ему принесли корректуру статьи, подписанной его полным званием. Менделеев тут же перечеркнул все свои регалии: «С ума сошли! Разве можно такое печатать: титул длинней, чем у царя».

Соблюдение правил хорошего тона и лексических приличий. Не всегда эти правила были свойственны интеллигенции, да и понимались они в разное время по-разному. Но после всяких разночинных и советских провалов к ним неизменно возвращались. Интеллигенция как аристократия — пусть и нового типа — не могла себе позволить mauvais ton.

Совестливость. См. *Нравственное начало*.

Стремление к интеллектуальному и культурному обога-

щению. Дмитрий Лихачёв считал, что эта черта — основная для интеллигенции. Он писал: «...восприимчивость к интеллектуальным ценностям, любовь к приобретению знаний, интерес к истории, вкус в искусстве, уважение к культуре прошлого, навыки воспитанного человека, ответственность в решении нравственных вопросов и богатство и точность своего языка — разговорного и письменного — вот это и будет интеллигентность» [21. С. 480]. При этом, как полагал Моисей Каган, «...речь идёт не только и даже не столько об особой потребности в искусстве, о высоком уровне художественного вкуса, сколько о широте, даже универсальности действия эстетических критериев как регуляторов деятельности, поведения, общения» [15. С. 309], потому что «...*суть интеллигенции — ...в единстве ценности знания и знания ценности*» [15. С. 296].

Толерантность. Обычно это понятие воспринимается как терпимое отношение к лицам другой веры, социального положения, национальности, расы. Но на самом деле терпимость не равна толерантности. По крайней мере, для интеллигента: он не терпимо, а уважительно относился к тем, кто «не такой, как ты». Снова процитирую Моисея Кагана: он говорил, что интеллигенту свойственна «диалогическая интернациональность сознания» [15. С. 304].

Личные черты (отрицательные)

Атеизм. Дмитрий Мережковский полагал, что ««безбожие» русской интеллигенции зависит от религиозного недостатка не во всём её существе, а только в некоторой части его, — не в чувстве, совести, воле, а в сознании, в уме, intellectus'e, т.е. именно в том, что интеллигенцию и делает интеллигенцией» [25. С. 100]. И уточнял: «Может быть, самое слово это не совсем точно совпадает с объёмом понятия. Сила русской интеллигенции — не в intellectus'e, не в уме, а в сердце и совести. Сердце и совесть её почти всегда на правом пути; ум часто блуждает» [25. С. 100].

Со своей стороны, Николай Бердяев считал, что уже в «первоистоках... <атеизма русской интеллигенции> заложено было повышенное, доведённое до экзальтации чувство человечности» [5. С. 35]. И именно это чувство вело интеллигенцию в революцию. «...Сам русский атеизм религиозен, — объяснял Бердяев. — Героически настроенная интеллигенция шла на смерть во имя материалистических идей. Это странное противоречие будет понятно, если увидать, что под материалистическим обличьем она стремилась к абсолютному» [6. С. 281]. А потому, по Бердяеву, атеизм дореволюционной, в особенности радикальной интеллигенции был «религиозным феноменом» [5. С. 36].

Что касается атеизма, свойственного подавляющему большинству советской интеллигенции, то он почти всегда являлся результатом воспитания. Но чаще всего это был уже, если так можно выразиться, толерантный атеизм. Михаил Кураев свидетельствовал: «Религия в <советской> интеллигентной среде почитается делом по преимуществу личным, интимным...» [18. С. 146].

Внутренняя эмиграция. Фактически это перманентное состояние интеллигенции, если понимать эмиграцию как вынужденный разрыв с государством. Та оппозиция властям, в которой постоянно находится интеллигенция, — неофициальная, никем, кроме неё самой, не признанная. А, следовательно, ей приходится действовать нелегально, словно из подполья, отделяя себя от государства.

На психологическом уровне зачастую всё происходит ещё жёстче. У многих чувство оппозиционности со временем вырастает до такой степени, что уже абсолютно любые заявления, решения или действия властей принимаются в штыки и даже теряется различие между государством и страной.

Житейская непрактичность. Это результат, по меньшей мере, двух факторов. Первый — российское образование и воспитание, которые всегда были оторваны от повседневной действительности с её практическими бытовыми заботами; доста-

точно вспомнить едкую сатиру Михаила Салтыкова-Щедрина на двух генералов, которые были уверены, будто булки растут на деревьях. Второй — сам характер интеллигенции, настолько поглощённой интеллектуальными, нравственными, творческими, социальными проблемами или проблемами других людей, что у неё попросту не оставалось ни физических, ни эмоциональных сил, ни времени на решение собственных житейских вопросов. К тому же эти вопросы считались чем-то второстепенным, ведь человек живёт не для того, чтобы модно одеваться, делать уборку в своём жилище и чинить бачок в унитазах, а для вещей более важных и возвышенных.

Индивидуализм, странным образом уживающийся с коллективизмом. Эти два начала сосуществуют почти во всяком человеке. Но в интеллигентских душах, которым не давали покоя совесть, сострадание, желание помочь нуждающимся (подчас, как уже говорилось не столько близким, сколько далёким, совершенно незнакомым людям), индивидуальное и коллективное боролись постоянно; а в иные моменты буквально бились друг с другом.

Вот как рассказывает об этом Сергей Юрский: «Во мне тогда жило (да и сейчас никуда не делось!) это вечное, воспитанное социализмом «мы». Я — часть. Я что-то значу, но «мы» важнее. Как интеллигент, я старался не быть участником агрессивных акций «мы». Я не клеймил, не участвовал в коллективных проклятиях, не подписывал писем осуждения. Но ответственность за эти деяния я полагал необходимым разделить с «мы». Собственно, в этом ощущении и было для меня доказательство моей интеллигентности как синонима благородства» [36. С. 44].

Ироничность. Добрая ирония, самоирония привлекательны. Но ироничность интеллигенции, в силу её оппозиционности, была принципиально иной — переходящей в злую насмешку, в сарказм, в скептицизм и даже в цинизм. А, в конечном счёте, она превращалась в бумеранг; разьедавший души самих интеллигентов.

Литературоцентричность. Литература заняла центральное место в жизни интеллигентского сообщества с того самого времени, как появилась сама российская интеллигенция, и оставалась там всегда. При этом в отношениях интеллигенции и литературы всегда, особенно во второй половине XIX века, наблюдался двусторонний процесс: литература следовала социальному заказу, представляя в жанре критического реализма институты власти, уделяя повышенное внимание проблемам нравственности и морали, образам интеллигентов, но при этом литература и создавала «мировосприятие интеллигента, <...> «кодировала его сознание», формировала систему его ценностных ориентаций, становясь залогом... абстрактного подхода к живой жизни...» [35. С. 143].

Корни интеллигентской литературоцентричности, конечно, нетрудно отыскать в той высокой значимости, которую ещё в Древней Руси имело устное и письменное слово. Но, полагаю, куда большее значение имел характер рождённого Петром строя, при котором в обществе, примитивизированном тотальным огосударствлением, жизненные перспективы для интеллигента оказались сужены до предела и он концентрировался на самом доступном — письме и чтении. Новая статья, журнал, книга и в XIX и в XX веке часто напоминали весточку, полученную в тюрьме с воли. В камере узилища она и есть жизнь, потому что никакой другой просто нет.

В итоге роль литературы в России была настолько высока, что не только в интеллигентских, но и в околоинтеллигентских кругах писатели становились властителями дум, их авторитет стоял неизмеримо выше царей и генсеков, а стихотворение, рассказ, повесть, роман или публицистическая статья воспринимались как откровение свыше. «Что больше воспитывает душу — собственная жизнь или та, что в книгах?», — спрашивает в своей мемуарной книге известный петербургский журналист и писатель Магда Алексева, рассказывая о начале 1950-х годов

[2. С. 46]. И не даёт ответа, потому что для интеллигента той поры ответ подразумевался сам собой.

Презрение к карьерному росту. Интеллигентам очень часто приходилось отказываться от мечты о карьере. Из-за отсутствия неразвитости рынка интеллектуального труда, из-за боязни, став чиновником, скомпрометировать себя в глазах интеллигенции, наконец, из-за нежелания заниматься тем делом, которое противоречит интеллигентским идеалам. Отсюда — презрение к карьерам, особенно в государственных структурах, и к тем, кто их строит.

В интеллигентской среде признавались и высоко ценились два других вида карьеры: горизонтальная — совершенствование профессиональных качеств и параллельная — достижения в андеграундных направлениях искусства или науки.

Разномыслие. В 1974 году в самиздате появилось эссе Александра Солженицына «Жить не по лжи!», в котором автор призывал читателя, прежде всего интеллигенцию, «ни в чём не поддерживать лжи сознательно», особенно той, которую распространяет власть. Иначе говоря, писатель требовал, чтобы советские люди боролись с государственной ложью, отказавшись от личной лжи. Но слишком для многих отречься от своего разномыслия означало остаться без высшего образования, потерять работу, разрушить благополучие семьи, а то и вообще оказаться на нарах. Фактически Солженицын требовал: делай, как я! Звучало красиво, но не все имели солженицынский талант и мировую известность, не говоря уже о стойких бойцовских качествах.

Скептицизм. См. Ироничность.

Склонность к излишнему потреблению алкоголя. Эта, как её эвфемистически называют, известная русская болезнь наиболее массово проявлялась во второй половине XIX века и в 1970-е — первой половине 1980-х годов, когда значительная часть интеллигенции не видела выхода из сложившейся в стране ситуации.

Снобизм. «Он — человек не нашего круга», «Это развлечения для одноклеточных», «Стыдно читать такие книжки» — такие и подобные им выражения частенько звучали в интеллигентских семьях или компаниях. Тем самым подчёркивалось сознание своего интеллектуального превосходства, своей независимости, исключительности — непризнанного аристократизма. Но иногда снобизм достигал таких масштабов, что переходил в спесь, которая никак не соответствует большинству принципов интеллигентности.

Социальный пессимизм и скорбь. Зарубежный историк Мануэль Саркисянц называет эту черту «характерной приметой русской интеллигенции» [29. С. 157-158]. Да и как могла впечатлительная, склонная к созерцательности и размышлениям, интеллигентская душа избежать пессимистических, скорбных чувств при виде того, что творится в любимой Отчизне?..

На ту же интеллигентскую черту указывает известный российский социолог Лев Гудков: «Из материалов социологических исследований, проводимых ВЦИОМ, следует, что уровень тревожности, ожидания разнообразных катастроф и бедствий у людей с высшим образованием (особенно в столицах и крупных городах, где, собственно, и сосредоточены основные интеллектуальные силы) в два-три раза превышает соответствующие показатели у других групп. Эти фоновые страхи... мало связаны с ухудшением материального положения, национальными или социальными конфликтами, находя в них лишь оправдание себе» [11. С. 203].

Увлечённость, переходящая в одержимость. Кто не знает знаменитой гоголевской фразы «Оно конечно, Александр Македонский, герой, но зачем же стулья ломать?» [9. Т. 4. С. 14]? Между тем таков портрет не только учителя истории из бессмертной пьесы, но и многих деятелей русской интеллигенции: «...от протопопа Аввакума до Флоренского и от Белинского до Маяковского через <нашу историю> проходит один и тот же тип «неистового Виссариона», готового броситься в

огонь за двуперстное знамение или за то, чтобы креститься вообще перестали...», — писал Григорий Померанц [28. С. 80].

Повторюсь: попытка хотя бы относительно полно выделить черты интеллигенции, а тем более идентифицировать их по шкалам «социальные-личные» и «положительные-отрицательные» — шаг на очень зыбкую почву.

Интеллигенция как социальное явление, не имеющее ни классовых, ни сословных, ни групповых рамок, постоянно изменяющееся в зависимости от внешних условий и собственных идейных предпочтений, раздробленное по идеологическим и профессиональным принципам, — такое явление не поддаётся точным измерениям с помощью каких-либо научных инструментов.

Социокультурный феномен интеллигенции нельзя уложить в прокрустово ложе точных дефиниций. Отдельные черты со временем кардинально изменяются или вовсе исчезают, а потом появляются вновь. Собранные все вместе, они не свойственны ни одному интеллигенту и даже всей интеллигенции того или иного времени. К примеру, Дмитрий Сергеевич Лихачёв, всеми признанный как рафинированный интеллигент, не обладал всеми положительными чертами, которые перечислены выше, хотя бы потому, что он был живым человеком, а шестидесятники XX века так сильно отличались от шестидесятников XIX, что и первые и вторые вряд ли признали бы друг в друге интеллигентов.

Кроме того, те или иные черты интеллигенции одновременно несут как позитивную, так и негативную нагрузку, а плюс к тому совершенно по-разному оцениваются разными людьми. Более того, некоторые черты в известном смысле даже противоречат одна другой: «гражданственность» и «неуважение к праву», «деликатность» и «нетерпимость к чужому мнению», «демократизм» и «снобизм»... А куда включить такие черты, как «атеизм», «аскетизм», «презрение к карьерному росту» или «готовность к внутренней эмиграции» — в достоинства или в недостатки? И можно ли поставить такой выбор в зависимость от эпохи или от тех или иных интеллигентских кругов?..

Тем не менее, как бы ни были условны определения любой из перечисленных черт, а также их трактовки, выдающиеся деятели интеллигенции всегда охотно говорили и писали о них, а рядовые интеллигенты с помощью этих черт безошибочно выделяли в людской толпе себе подобных. В самые трудные моменты именно лучшие черты интеллигенции помогали ей выстоять и, кроме того, спасти многих соотечественников. Так, Даниил Гранин, рассказывая об их с Алесем Адамовичем замысле «Блокадной книги», обращает внимание на одну из важнейших, по его мнению, причин победы ленинградцев над смертью в те страшные дни осады города: «...интеллигенция в этой эпопее предстала со всеми преимуществами своей душевной силы. Принципы, воспитанные традициями русской интеллигенции, помогли ей не расчеловечиться» [10. С. 22].

Иными словами, феномен на то и феномен, что у него многое исключительно, необычно, не как у всех.

Литература

1. Известия. 1989. 8 июня
2. Алексеева М. Попытка вспомнить. Мемуары. СПб., 2008
3. Баткин Л.М. Эпизоды моей общественной жизни: воспоминания. М., 2013
4. Бестужев-Лада И.В. Есть ли будущее у интеллигенции? // Судьба российской интеллигенции. СПб., 1999
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990
6. Бердяев Н.А. Судьба России // Бердяев Н. А. Философия свободы. Харьков-М., 2002
7. Гинзбург Л.Я. Записные книжки: Новое собрание. М., 1999
8. Гительман Л.И. Художественная интеллигенция и современная жизнь (доклад на Международной научно-практической конференции «Гуманитарная культура как фактор преобразования России», СПбГУП, 24-25 мая 2000 г.) // Дни науки в Университете. Избранное. СПб., 2007
9. Гоголь Н.В. Ревизор // Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 4. М., 1967
10. Гранин Д. «Блокадная книга» без цензуры и ретуши // Гранин Д. Интеллигенция: статьи, выступления, эссе. СПб., 2007
11. Иудков Л. Интеллигенты и интеллектуалы // Знамя. 1992, №3-4
12. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л., 1972-1990. Т. 26
13. Ежелев А. Кому урок?; Урок не впрок // Известия-87. М., 1987
14. Искандер Ф.А. Государство и совесть // Судьба российской интеллигенции. СПб., 1999
15. Кagan М. Град Петров в истории русской культуры. СПб., 1996
16. Керенский А.Ф. Предисловие к книге: Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции (Отречение великой революции-онеры: 1873-1920). М., 2006
17. Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1914-1922 гг. // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. 1993, № 4
18. Кураев М.Н. Нужна ли России интеллигенция в XXI веке? Петербург: Интеллигент: Филистер // Феномен Петербурга. СПб., 2001
19. Лазарев Л.И. Записки пожилого человека: Книга воспоминаний. М., 2005
20. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. М., 1995
21. Лихачёв Д. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л., 1989
22. Лихачёв Д.С. Интеллигенция — интеллектуально независимая часть общества // Судьба российской интеллигенции. СПб., 1999
23. Лихачёв Д. О русской интеллигенции // Лихачёв Д. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006
24. Лихачёв Д. Петербург в истории русской культуры // Лихачёв Д. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006
25. Мережковский Д.С. Грядущий хам // Интеллигенция. Власть. Народ: Антология. М., 1993
26. Милоков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Интеллигенция в России // Анти-Вехи. М., 2007
27. Орлова Р., Копелев Л. Мы жили Москве: 1956-1980. М., 1990
28. Померанц Г. Сны земли. М.-СПб., 2014
29. Саркисянц М. Россия и мессианиззм. К «русской идее» Н.А. Бердяева. СПб., 2005
30. Соколов К.Б. Русская интеллигенция XVIII — начала XX вв.: картина мира и повседневность. СПб., 2007
31. Ткачёв П.Н. Избранные сочинения. М., 1932. Т. 2
32. Чехов А.П. Три сестры // Чехов А.П. Собрание сочинений. В 12 т. М., 1954-1957
33. Чичерин Б.Н. Воспоминания. М.-Минск, 2001
34. Чуковский К. Чехов // Чуковский К. Современники. Портреты и этюды. М., 1962
35. Щербакова Е.И. Синдром разночинца: социально-психологические истоки радикализма русской интеллигенции // Интеллигенция в истории: образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001
36. Юрский С. Игра в жизнь. М., 2002